

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ

СТЕЙСИ
ВЕГАС

гед

МАТИЛЬДА
СТАРР

Матильда Старр
Стейси Вегас
Обаятельный гад
Серия «Первая любовь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64444826

Аннотация

Наша встреча была очень яркой: я налетела на Дэвида Моргана в коридоре университета и в щепки разнесла макет, над которым он работал целых два месяца. Достаточно для того, чтобы стать для этого парня врагом номер один. Он красив, богат, уверен в себе и меняет девушек как перчатки. Я-то уж точно не поведусь на его обаяние! Только почему так замирает сердце, когда он рядом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Матильда Старр, Стейси Вегас Обаятельный гад

Глава 1

«Пожалуйста! – мысленно взмолилась я, стоя перед массивным столом и глядя на склоненную над документами гладко причесанную головку мисс Хьюстон. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только не просите меня ничего заполнять! Я ужасно устала. И опять что-нибудь перепутаю: распишусь где-нибудь не там, поставлю галочку не туда, вычеркну что-нибудь не то, влеплю глупую ошибку... И все придется начинать сначала!»

– Ну, дальше просто, – улыбнулась мисс Хьюстон и протянула мне разноцветную кипу бумаг. – Розовые листки занести в двести первый кабинет, а жёлтые – в двести шестнадцатый. Лучше всего сделать это немедленно. Справитесь? – с сомнением спросила она, и мы обе покосились на урну, доверху набитую неудачными попытками моего почти часового анкетирования.

Пара испорченных бланков свалилась на пол и укоризненно топорщилась скомканными боками.

– Справлюсь, – поклялась я, бочком двигаясь к выходу.

Толкнула дверь и с облегчением выскочила в коридор из кабинета мисс Хьюстон – королевы делопроизводства с черным поясом по организации и хранению тонн всевозможных документов.

Снова посмотрела на врученную мне стопку важных бумаг. Главное теперь – ничего не перепутать. Желтые – в двести шестнадцатый, розовые – в двести первый. Или наоборот? Нет, все правильно. Кажется...

– Хьюстон, у нас проблемы... – со вздохом пробормотала я.

Лестница на второй этаж отыскалась на удивление быстро, и я умудрилась не пропустить нужный поворот. С учетом моей врожденной способности заблудиться даже на прямом маршруте между точкой А и точкой Б это было, прямо скажем, достижением!

– Желтые – в двести шестнадцатый, розовые – в двести первый... Желтые – в двести шестнадцатый, розовые – в двести первый... – шептала я, отчаянно надеясь, что справлюсь с головоломным квестом и смогу гордиться собой.

Только вот почему-то кроме желтых и розовых в стопке вероломно оказались и совершенно белые листки. Их-то куда? Боже, как все сложно!

Я шла по коридору, уставившись в бумаги и продолжая твердить свою путеводную мантру:

– Желтые – в двести шестнадцатый, розовые – в двести

первый...

Бум-с! Я с размаху врезалась во что-то крепкое, большое и теплое. Раздался хруст, и в следующую секунду я обнаружила себя сидящей на полу, а все то, что надлежало занести в двести шестнадцатый и двести первый кабинеты, было разбросано в радиусе пары метров от меня. Впрочем, нет, не все. Некоторые листы плавно кружились в воздухе и медленно опускались на пол, словно опадающая листва в начале октября.

Я потрясла головой, пытаюсь сообразить, что там так подозрительно хрустнуло. Ну не кости же. Вроде ничего не болело. Кроме того места, на котором сидела.

– Черт бы тебя побрал! – отчеканили сверху тихо, но с такой ледяной яростью, что я инстинктивно втянула голову в плечи, словно черепаха в панцирь, и на всякий случай зажмурилась.

Следом раздался оглушительный треск. «Кулаком о стену», – догадалась я и решила осторожно приоткрыть один глаз.

Препятствие, так некстати возникшее передо мной, имело образ высоченного, никак не меньше двух метров, молодого человека. В одной руке он сжимал обломок какой-то конструкции, а костяшки пальцев другой горели и даже немного кровоточили. Очевидно, из-за разрушительной привычки срывать злость на ни в чем не повинных стенах.

– Прежде чем я тебя убью, объясни ты мне, ради всего

святого, почему ты не смотришь, куда прешь?! – судя по голосу, парень еле сдерживался, чтоб не начать душить меня прямо сейчас. – Почему ты не в состоянии просто поднять свои бестолковые глаза и посмотреть вперед?

– Простите, – примирительно пробормотала я, догадываясь, что причинила ему очень серьёзные неприятности, – честное слово, я не хотела. Я не нарочно!

– Не нарочно? Это же все меняет, правда? – вкрадчиво протянул он и так стремительно наклонился ко мне, что сердце дернулось и рухнуло в пятки.

И тело среагировало быстрее головы. Испуганно пискнув, я шустро отползла подальше и прижалась к стене.

В одно мгновение он снова очутился передо мной, только бежать мне теперь было некуда.

– Два месяца. Два чертовых месяца я потратил на этот проклятый макет, который ты... – Он сделал глубокий вдох. – Который ты уничтожила своим... своим... туловищем! Вот, полюбуйся!

Перед моим носом оказались те самые обломки.

– Мне действительно ужасно жаль, я прекрасно вас понимаю и очень сочувствую, – кое-как совладав с голосом, заговорила я, храбро поднимая взгляд к его лицу, – но...

И тут же замолчала на полуслове, забыв, что хотела сказать.

Хозяин вдребезги разбитого макета был потрясающе красив. Вот просто невероятно красив. Честное слово, хотелось

протянуть руку и проверить: он в самом деле существует или мне кажется? Потому что такие не ходят по улицам и не сбивают с ног кого попало в коридорах университета. Они плавают на яхтах по океану, живут в особняках и снимаются в голливудских кассовых фильмах. В самых главных ролях.

Взгляд пробежался по небрежным темным волнам волос, по высокому чистому лбу, по крутым резким скулам, чуть впалым щекам. Скользнул по античному, как у римских статуй, носу с едва заметной горбинкой, по упрямому подбородку, синеватому от безжалостно выбритой щетины, и залип на четко очерченной, но все же мягкой и чувственной линии рта. Он явно что-то говорил, но слух почему-то внезапно отказался мне служить. Как будто кто-то нажал кнопку «Mute» на пульте дистанционного управления. Я лишь зачарованно смотрела, как двигаются эти упругие губы. Наверное, гладкие и теплые. И жадные, когда целуются...

Я сглотнула и с трудом перевела взгляд выше. А глаза... Слегка раскосые, светло-карие, с золотыми искорками у зрачка, словно в старинном янтаре запутались солнечные блики.

И сейчас эти глаза смотрели на меня с таким гневом, что слух счел за лучшее немедленно включиться. И я услышала: – Что, что ты на меня уставилась? Ты вообще хоть что-нибудь замечаешь?! Тупица!

Тупица? Да как он смеет? Волна горячей обиды ошпарила меня как кипятком, из глаз брызнули слезы. А следом при-

шла ярость.

Я вскочила на ноги, едва не задев макушкой чей-то очень античный нос, и свирепо уставилась в злющие карие глаза.

– Я уже дважды попросила прощения, – четко выговаривая каждое слово, парировала я. – Дважды. А вы продолжаете скандалить и сыпать оскорблениями. Вы хам. Нет, даже не хам, а истеричная девица!

Темные брови изумленно поползли вверх, на скулах выступили желваки. Да, зарвавшийся красавчик совершенно точно не ожидал услышать такое от девчонки, которая всего пару минут назад вжималась в стенку и лепетала извинения. Привык, что ему все прощается? Не на ту напал, да! Вернее, налетел. Хотя это я на него налетела. А, неважно.

Я искренне наслаждалась произведенным эффектом. Очень хотелось добавить завершающий штрих. Пару секунд я старалась придумать еще какую-нибудь обидную финальную колкость, но на ум так ничего и не пришло. Кроме...

– Пошел вон! – выкрикнула я со всей надменностью, на которую была способна, и царственным жестом указала в конец коридора.

Взгляд, устремленный на меня, потемнел, глаза опасно сузились. Парень едва заметно подался вперед, словно хотел все-таки свернуть мне шею. Но потом резко развернулся, швырнул огрызки макета мне под ноги и медленно зашагал в сторону лестницы, явно нарочно наступая на мои рассыпанные по полу документы. Вот же гад!

Я смотрела на его удаляющуюся фигуру. Ярость стихала, освобождая место угрызениям совести. Все-таки я действительно испортила его макет. Да еще и обидела...

Но, с другой стороны, он это заслужил. Я ведь извинилась за то, что врезалась в него. Конечно, погубленный макет извинениями не склеишь, но можно быть и повежливее.

И все же где-то в глубине души шевельнулось странное сожаление, что наше «знакомство» состоялось именно так... Все-таки он и правда красавчик.

Ладно. Что было, то было, а бумаги сами себя не соберут. Я снова опустилась на пол, подбирая и отряхивая листы.

– Желтые – в двести шестнадцатый, розовые – в двести первый... – скороговоркой повторила я.

Глава 2

Не знаю, кто придумал, будто бы провинциалы, впервые попав в большой город, моментально очаровываются всем, что попадаетея им на глаза. Со мной было иначе. Меня пугали широкие улицы, спешащие толпы людей и чертовы двухэтажные автобусы, так и норовившие затормозить прямо передо мной...

Честное слово, я ожидала от жизни в столице совсем другого. Возможностей, шансов, интересных встреч... Какие уж тут шансы и встречи, если из дома высовываться нет желания. Ведь стоит только выйти, как со всех сторон на тебя обрушивается громадный человеческий муравейник, спешащий, бегущий, ревущий миллионами машин, рвущий мозг тоннами рекламы, душащий смогом, давящий умопомрачительными высотками. Сразу кажешься себе маленькой и ничтожной пешкой в чьей-то большой игре, и хочется лишь одного: со всех ног бежать на вокзал.

Но, разумеется, я этого не сделала.

Во-первых, представляю, как встретили бы меня дома! Носить почетное клеймо неудачницы пришлось бы до конца моих дней.

А во-вторых, у меня была назначена встреча с Элис! А это такое мероприятие, которое никак нельзя отменить без риска для здоровья.

С Элис мы подружились еще в начальной школе. Даже не знаю почему. Мы были такими разными: она – компанейская, энергичная, безумно артистичная и веселая, и я – застенчивая зубрилка, предпочитающая книги реальному общению. Но, говорят, противоположности притягиваются. Как бы там ни было, мы с Элис подружились сразу и навсегда.

Год назад она поступила в столичный колледж, а я осталась дома. И вот, приехала...

Я стояла на автобусной остановке. Одна. Что неудивительно: в такую погоду нормальные люди предпочитают добираться другими видами транспорта или находятся внутри зданий, а не мокнут под дождем. Я бы тоже сидела дома и не мокла. Но именно в это время и в этом месте была назначена встреча с Элис, на которую та безнадежно опаздывала. Вытаскивать руки из карманов и тыкать мокрыми пальцами в телефон, чтобы услышать «бегу-бегу» или «я уже рядом», не хотелось. Я вздохнула и поглубже забилась под козырек. Не помогло. Ветер налетал, казалось, со всех сторон и легко задувал дождевые капли под узкую крышу. И они оседали на пальто, волосах, стекали за воротник и противно щекотали шею. Зонтик, я, конечно, забыла в комнате общежития.

Наконец я увидела Элис! Она неслась ко мне со всех ног, и я невольно засмеялась: Элис была на шпильках. Насколько я помнила, раньше она предпочитала спортивную обувь. Большой город и ее изменил?

– Это теперь кеды такие? – невинно поинтересовалась я.

– Да ну тебя! – отмахнулась Элис и крепко прижала меня к себе. – Как я рада тебя видеть!

Я блаженно прикрыла глаза, зарывшись носом в ее длинные локоны.

– Я тоже. Ужасно рада...

Но Элис уже не слушала. Она отстранилась и деловито оглядела меня с ног до головы:

– Тебе нужно обсохнуть и согреться. Сейчас мы пойдем в одно классное место.

– Оно хоть недалеко, твое классное место? – уныло спросила я. – А то я устала и есть хочу. И мне тут не нравится!

Да уж. Отличная идея – вывалить сразу все, чем я недовольна.

– Ты скоро привыкнешь, – весело утешила меня Элис, схватила за руку и потащила за собой, ловко лавируя в толпе.

Буквально через несколько минут мы уже сидели в университетском кафе, удивительно уютном. Мне раньше почему-то казалось, что все заведения такого рода одинаковы: с неприятно ярким светом, пластиковыми столами, расставленными в шахматном порядке. И с отвратительным кофе в бумажных стаканчиках!

Здесь же деревянные столики, по-домашнему милые, тянулись вереницей вдоль стен. И светильников было немного: по одному на каждый столик да гроздь подвесов в центре зала. Но этого хватало, чтобы залить все пространство теплым,

приглушенным сиянием. А главное, никаких бумажных стаканчиков, пластиковых ложек и прочей одноразовой ерунды! Кофе тут подавался в симпатичных чашках. И какой кофе! Не растворимая бурда, а настоящий, из зерен. Его дразнящий горьковатый запах ощущался даже на улице, в паре метров от кафе, а уж внутри... Нет, здесь мне определенно нравилось!

– Сначала я тоже всего боялась, – говорила Элис. – А теперь не хочу уезжать даже на каникулы. Знаешь... Здесь столько всего интересного, жизнь кипит! А что дома? Тишина, покой и прочее благолепие.

Я медленно помешивала ложечкой свой кофе. Золотисто-коричневая пенка раздвигалась, открывая тёмную ароматную жидкость.

– Не знаю, Элис, – вздохнула я наконец. – Пока шел конкурс, я так мечтала победить, учиться здесь. Или, может быть, мне просто хотелось изменить свою жизнь. И вот свершилось, а я... Я боюсь этого огромного чужого города, бесконечных толп, автобусов, метро...

– Глупости! – рассердилась Элис. – Николь Робертс, ты выиграла шикарный приз – обучение в столице, в лучшем университете! Вырвала его с боем, обставив целую кучу неслабых соперников. И ты тут мне рассказываешь, что тебя пугает какое-то метро?!

Ну да, с боем. Что ж, может, она и права. Наверное, я и правда привыкну.

Когда-нибудь.

– Послушай, – Элис наклонилась ко мне так близко, что я могла различить каждую волосинку в ее густой челке, – у тебя что, кто-нибудь остался? Ну... дома?

– Родители остались. А почему ты шепчешь?

– Да я не о них! Я говорю о...

– Ах, это! – Я стремительно покраснела и уткнулась в свой кофе.

Элис охотно делилась со всем светом подробностями своей бурной личной жизни, но я никогда не могла себя заставить рассказать что-то о своей собственной. Да и что было рассказывать? Не считать же романом невнятные отношения с Чарли. Он жил с родителями, старшим братом и чёрным спаниелем Маффином, который поднимал страшный визг каждый раз, когда мимо проезжала машина. Чарли был очень высоким, очень нескладным, очень молчаливым. Но главным его «очень» были уши – очень большие, слегка оттопыренные и вечно полыхающие, как закатное солнце.

Каждый вечер, строго в одно и то же время, он появлялся у нашего дома, вооруженный губной гармошкой. Поднимался по ступенькам, негромко стучал в дверь. Я выходила, и мы устраивались на террасе. Чарли наигрывал мне мелодии собственного сочинения, а я любовалась удивительным цветом его ушей. Лучи заходящего солнца подсвечивали их, делая полупрозрачными, и по мере того, как оно опускалось за крышу соседнего дома (ну или Чарли смущался), цвет ста-

новился все более насыщенным. Потом наступали сумерки, и мы расходились по домам.

Когда выяснилось, что я все же уезжаю из нашего городка, Чарли явился вне расписания и, кажется, впервые в жизни заговорил со мной.

– А как же мы? – спросил он, причем в голосе его отчетливо слышались возмущенные нотки.

Мы? Я удивленно уставилась на него.

– Чарли, – мягко начала я, – о чем ты говоришь?

– Ну... я думал, мы с тобой... как бы... в общем... – Чарли вовсю боролся с нагрянувшим косноязычием, но явно проигрывал. Наконец собрался с силами и выпалил: – Что мы встречаемся.

– Но ведь я...

– Да ладно, я все понял! – Он выпрямился, напустив на себя беззаботный вид, но уши предательски налились багрянцем.

И тогда я в первый раз посмотрела ему в глаза. Они оказались большими, влажными, ярко-зелеными. И тоскливыми, как у замерзающей на льдине обезьянки. «Переживает», – растроганно подумала я. И неброское мужество, с которым держался Чарли в преддверии скорой разлуки, впечатлило до глубины души...

В общем, у меня был парень, а я этого даже не заметила. Рассказывать Элис о Чарли я, конечно, не стала.

– Нет, – пробормотала я. – То есть ничего серьезного...

А как у тебя?

Но Элис меня уже не слушала. Я проследила за направлением ее взгляда и сразу поняла, чем вызвана ее внезапная глухота. Только что в кафе вошел потрясающий красавец. Спортивная фигура, широкие плечи, черные как смоль волосы, карие глаза...

И отвратительный характер!

В чем я уже успела убедиться, когда выслушивала от него гадости.

Это был тот самый хам, который испортил мне настроение еще с утра.

Элис наконец опомнилась:

– Прости, я что-то...

– Засмотрелась, – понимающе кивнула я, – Знаешь его?

– Конечно. Скоро и ты его узнаешь. Он же учится с нами.

Его зовут Дэвид, – тихонько просветила меня Элис. – Дэвид Морган. Сын тех самых Морганов! Все без ума от него.

Да-да. И он сам тоже без ума от себя.

– А у него есть кто-нибудь?

Не знаю, зачем я это спросила. Какая мне разница, в конце концов? Видимо, дело было все-таки в его внешности. Она сбивала с толку.

– Кто-нибудь? – переспросила Элис и весело рассмеялась. Ее искренне забавляла моя наивность. – Кто-нибудь... Да у него новая девушка каждые несколько дней. И каждая надеется стать последней.

Почему-то мне стало грустно. Я снова почувствовала, как прилипают к шее непросохшие волосы.

– Пойдем, я куплю тебе мороженого в честь приезда. Оно здесь отменное, – донесся до меня голос Элис.

Я внимательно посмотрела на нее.

– Элис Хаггард, – медленно проговорила я. – Зачем ты морочишь мне голову вкусняшками, когда я прекрасно знаю, что ты просто хочешь поздороваться с этим глупым...

– Николь!

– Напыщенным, – безжалостно продолжала я.

– Николь! Мороженое и правда очень...

– Самодовольным индюком.

Элис хихикнула:

– Ну ладно, ты разгадала мой коварный план. Так что насчет мороженого? Здесь лучший шоколадный пломбир в городе! Ты точно такого еще ни разу не пробовала. Ну, Николь...

Я вздохнула и поплелась за ней следом.

Возле барной стойки толпились студенты. Теперь, когда Дэвид Морган появился тут, их, кажется, стало еще больше. Особенно студенток, которые, как и Элис, срочно решили что-то заказать.

А вот бармен мог бы быть и пошустрее!

Я обрадовалась, когда у меня в руках наконец оказалась креманка с шоколадным пломбиром. Можно было снова сесть. Я резко развернулась, чтобы пойти к столику, и...

Содержимое моей креманки оказалось на темной рубашке.

Я медленно поднимала взгляд, ни капли не сомневаясь, чье лицо сейчас увижу. Конечно же, Дэвида, любимца девушек и мажора, которому уже второй раз за день не посчастливилось оказаться у меня на пути.

– Опять ты! – Карие глаза знакомо горели гневом.

Но сейчас он, по крайней мере, не пытался разбить косяшки своих пальцев о барную стойку.

– Ну? – спросил он. – И сколько же тебе заплатили?

– Заплатили? За что?!

– За мой труп, – с убийственной усмешкой ответил Дэвид. – Не знаю, кто твой заказчик, но передай ему от меня: он идиот, потому что нанял ни на что не годного киллера. Даже здесь от тебя никакой пользы...

Я не стала дослушивать этот поток изящной словесности и, пробормотав: «Элис, ради бога, пойдем отсюда!» – выбежала из кафе.

Лицо у меня пылало не хуже ушей бедолаги Чарли.

Глава 3

– Провались ты, – именно этими словами я встретила свой первый учебный день.

Мое дружелюбное приветствие адресовалось будильнику, взорвавшему блаженную тишину.

За всю свою жизнь я так и не смогла примириться с ранними подъемами. Я ненавижу утро! Оно всегда бесцеремонно врывается в безмятежность моего сна, лезет в глаза солнечными лучами, нахально включает будильник и, главное, требует немедленно выбираться из постели и куда-то идти.

Поеживаясь от противного мелкого дождика, я брела к учебному корпусу. Мимо спешили симпатичные студентки, веселые и свежие, и я мрачно подумала о том, что, вероятно, при рождении мне недодали одного совершенно необходимого навыка – умения хорошо выглядеть по утрам.

Не то чтобы я совсем уж не имела успеха. На меня оглядывались! Правда, скорее всего, это было связано с ярким отпечатком уголка подушки у меня на щеке. Я очень старалась от него избавиться, долго массировала щеку перед зеркалом, но увы. Теперь я утешала себя мыслью, что, по крайней мере, мне не обязательно тратить время на прическу и макияж, чтобы привлечь внимание окружающих.

У дверей в аудиторию стайка ухоженных девушек обступила высокого парня и, затаив дыхание, внимала его голосу.

Наверное, он рассказывал что-то веселое, потому что время от времени девчонки заливались смехом. Вид у них был до-
нельзя влюбленный.

Я фыркнула. Наверняка это капитан какой-нибудь местной баскетбольной команды с кубиками пресса и отсутствующим мозгом. На таких я насмотрелась еще в школе.

Проблема была только в одном: чтобы очутиться у живительного источника знаний, мне требовалось как-то попасть в аудиторию, вход в которую преграждали эти юные нимфы во главе со своим кумиром.

Я глубоко вздохнула и пошла вперед, прямо в ароматное облако парфюма, укладочных средств и изысканных табачных ноток.

– Разрешите... Прошу прощения... Позвольте пройти, – бормотала я, лавируя между стройными девичьими фигурами.

Обойдя очередную девчонку, я случайно подняла взгляд и чуть не застонала вслух: «О не-ет!»

Прямо передо мной стоял Дэвид Морган. Собственной персоной.

На мое счастье, он меня не заметил, потому что именно в этот момент обнимался с девицей, в которой с первого взгляда угадывалась звезда местного масштаба. А со второго, может, даже и не местного. У нее явно были самые длинные ноги, самые роскошные волосы и самые пухлые губы в радиусе нескольких миль. Звезда томно льнула к Дэвиду, что-

то щебеча, он снисходительно слушал и улыбался той самой медленной ленивой улыбкой, от которой у всех окрестных девиц массово подгибались коленки. В том числе и у меня, хотя уж я-то точно знала, какой он хам.

Я низко опустила голову и осторожно, бочком просочилась мимо обнимающейся парочки в аудиторию.

Уф! Пронесло! Почти... Потому что спину почти осязаемо щекотало ощущение чужого взгляда. Очень хотелось обернуться... Но не стала. Почему-то я была уверена, что смотрит он.

Впрочем, я могла ошибаться. С чего бы ему пялиться на меня? Но на всякий случай я быстро пересекла аудиторию и забила в самый дальний ее угол.

В перерыве меня разыскала Элис, плюхнулась рядом.

– Николь, слушай меня внимательно! – возбужденно зашептала она, придвигаясь ко мне так близко, что я всерьез опасалась, что превращусь в непривлекательное пятно, размазанное по стене. – Сегодня мы идем на вечеринку!

– Вот еще! – хмыкнула я, перелистывая конспект.

Вечеринки были слабостью Элис, но никак не моей. От шума я быстро уставала, танцевать не любила, да и вообще меня напрягали большие компании, в которых надо было постоянно со всеми общаться.

– Николь! – строго сказала Элис. – Ты пойдешь на сегодняшнюю вечеринку, даже если тебе совсем не хочется. Во-первых, праздник по случаю начала учебного года пропу-

стить нельзя: тебя не поймут, сочтут высокомерной, и потом можешь даже не рассчитывать на доброе отношение. А во-вторых, для тебя это отличный шанс сразу со всеми познакомиться.

– Ненавижу вечеринки, – со вздохом сказала я.

– Не волнуйся, тебе очень понравится. На сегодня обещали хорошую погоду, так что веселиться будем на свежем воздухе.

– Хорошую погоду, говоришь? – Я встrepенулась и посмотрела в окно.

На улице по-прежнему моросил нудный прохладный дождик.

Увы, моим надеждам на то, что из-за плохой погоды вечеринку отменят, не суждено было сбыться. Вечер, как назло, выдался прекрасным.

Так что теперь я стояла перед Элис, вальяжно развалившейся в кресле. Джинсы и майка – идеально для любой вечеринки, я считаю. Но по взгляду подруги было件нятно: она со мной не согласна.

– Не годится, – констатировала Элис, критически оглядев мой гардероб, – тебе нужно что-то яркое, запоминающееся.

– Я не люблю яркие цвета, – попробовала заупрямиться я.

– Кто тебя спрашивает! – отмахнулась она.

Я и глазом моргнуть не успела, как Элис распахнула дверцы своего шкафа и с потрясающей воображение ловкостью извлекла ярко-красное платье.

– Вот это подойдет идеально!

Я уставилась на лоскуток огня, поселившийся у Элис в шкафу и каким-то чудом не сжегший все вокруг.

– Ярковато, – неуверенно промямлила я, – я не ношу такое.

– Теперь носишь.

Смирившись с тем, что возражения не принимаются, и немного поворчав для приличия, я все же облачилась в багряное безобразие.

Элис восхищенно ахнула:

– Какая ты красивая, Николь!

Она буквально подтащила меня к зеркалу, и тут уж настала моя очередь ахать. Никогда не думала, что платье может быть волшебным, но, похоже, именно таким оно и было.

Каким-то неизвестным мне способом кожа приобрела легкий золотистый оттенок, глаза засияли, стали ярко-голубыми, глубокими и хм... слегка загадочными.

Больше того, я с изумлением обнаружила, что у меня, оказывается, тонкая талия и высокая пышная грудь. Нет, я конечно, и раньше все это видела, но никогда оно не выглядело так... так впечатляюще.

– Теперь распусти свой старушечий пучок, – скомандовала Элис.

Я безропотно выдернула шпильки, и мои ужасные, непослушные волосы, будто поддавшись чарам красного платья, хлынули вниз и с небрежным шиком легли на плечи и спину.

– Новая жизнь, новая Николь, – промурлыкала Элис.

* * *

На вечеринке былолюдно. Круглые подвесные фонарики весело подмигивали, превращая густую ночную тьму в мягкий полумрак. И звучала музыка. На импровизированной сцене в глубине двора расположились музыканты. В нежные переборы гитарных струн вплеталось пение скрипки и саксофона.

Я замерла, вслушиваясь в мелодию, но тут Элис тихонько толкнула меня в спину.

– Идем скорее!

Лавируя между парочками, группками и одиночками, она двинулась туда, где было больше всего народу. Видимо, собиралась представить меня своим знакомым.

– Не отставай, Николь! – махнула она рукой, с кем-то поздоровалась и устремилаь дальше.

Я прибавила шаг, стараясь не потерять Элис из виду. В эту минуту я получила новый тычок в спину. Оглянувшись, я чуть не застонала вслух. Мой утренний кошмар, макет которого я угробила накануне, опять стоял передо мной.

– Привет. – Он медленно улыбнулся, и внутри странно трепыхнулось что-то. – Кажется, я случайно толкнул тебя, извини.

Карие глаза с интересом пробежались по моему лицу, чуть

помедлили на губах, отчего я нервно сглотнула, скользнули по шее, замерли на груди, на мгновение одобрительно расширились. И хоть вырез был более чем приличный, захотелось прикрыться руками, а щеки окатило таким жаром, что даже дышать стало трудно. Я всегда краснела быстро и очень заметно. Но сегодня побила все свои собственные рекорды. И без зеркала было ясно, что мое лицо сейчас точно под цвет платья. А все этот нахал! Натренировался на бесчисленных пассиях и влюбленных дурочках!

– Раз я не видел тебя раньше, значит, ты новенькая, – задумчиво сказал нахал, оторвав наконец свой взгляд от выреза. – Я Дэвид.

И снова улыбнулся своей ленивой улыбкой, от которой перехватило дыхание. Мой рот сам по себе открылся, чтобы послушно назвать имя... И тут до меня с опозданием дошло. Не видел раньше? Новенькая? Он что, еще и не узнал меня? Отлично. Значит, без причесок, макияжей и вызывающих платьев я просто серая мышка? Из тех, кого забываешь сразу, как только пропадет из вида? Почему-то стало ужасно обидно. Впрочем, так даже лучше. Надо побыстрее исчезнуть из поля его зрения, пока он ничего не понял. Да, и где-нибудь подальше от его глаз и улыбок спокойно разобраться со своим организмом, который явно ведет себя неадекватно.

– Николь, – коротко отрекомендовалась я и попыталась развернуться.

Не тут-то было. Мой план бегства провалился на первом

же этапе: тонкий каблукочок нарядных лодочек угодил точно в щель между каменными плитами.

– Не ожидал, что у нас появится такая красotka...

– И я не ожидала, – машинально пробормотала я, стараюсь как можно незаметнее дрыгать ногой в тщетной попытке обрести свободу.

Каблук застрял намертво!

– Может быть, потанцуем? Или возьмем чего-нибудь выпить и переместимся за столик?

– Ну-у... Э-э... – глубокомысленно выдала я, лихорадочно прикидывая варианты.

Танцы, конечно, отпадают. От одной только мысли, что придется с ним обниматься, все волосы на моем теле встали дыбом, а сердце екнуло и свалилось в пятки. Нет-нет, только не танцы.

А если я попрошу его принести мне чего-нибудь выпить? Он отлучится, и я успею сбежать. Пусть даже в одной туфельке, как Золушка.

Но вдруг он и не подумает отлучаться? Если предложит прогуляться к бару вместе? Тогда я...

Внезапно теплая большая рука легла мне на талию, и все варианты разом вылетели из головы. Дэвид склонился и вкрадчиво прошептал:

– Или просто исчезнем...

От легкой хрипотцы в его голосе, от ощущения горячего дыхания над ухом по спине скользнул холодок, а внутри

жарко вспыхнуло. Из-под обжигающей кожу ладони по животу, по бедрам, ногам растекалась странная слабость. Где-то на задворках размякшего разума тихо прошелестело: «У него новая девушка каждые несколько дней».

Словно в лицо ледяной водой плеснуло. Я мгновенно пришла в себя и открыла рот, чтобы без всяких вариантов и увиливаний просто сказать: «Нет!» – как Дэвид добавил:

– У меня дома есть потрясающая коллекция...

Мерзавец! Да у него для каждой встречной есть коллекция!

Я не выдержала:

– Ты полагаешь, такая тупица, как я, сможет поднять свои бестолковые глаза и рассмотреть ее хорошенечко?

Дэвид вздрогнул, всмотрелся в меня и прищурился:

– Это ты?..

Признал наконец!

Откуда-то из темноты вынырнула та самая девица, что сегодня липла к Дэвиду у дверей аудитории.

– Дэвид, солнышко, ну куда ты пропал, – капризно пропела она, – пойдём танцевать!

Она потянула его за руку, и он молча последовал за ней.

А я решила исчезнуть с этого праздника. Он точно не для меня!

Глава 4

– Вы проявили себя как способная и прилежная студентка, – произнес куратор с наисладчайшей улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего.

Я уже знала, что он один из самых вредных и мстительных преподавателей колледжа, так что от него можно ждать каких угодно пакостей.

– Спасибо, мистер Джайлз.

– Однако ваших успехов в учебе, юная леди, недостаточно для получения хорошей характеристики... – вкрадчиво добавил мистер Джайлз.

Он продолжал излучать доброжелательность и прямо-таки отеческую заботу. Плохо дело. Что же ему нужно?

– Дело в том, Николь, – выдержав театральную паузу, снова заговорил старый садист, – что студенты обязаны проявлять социальную активность. В нашем учебном заведении существует ряд объединений. Вам решать, к какому из них вы захотите примкнуть. – Он протянул мне лист бумаги с перечнем занятий, на которые я отныне была обязана тратить свое ничтожное свободное время.

Я быстро проглядела список. Что там у нас?

Спортивные секции... О, прошу вас! Я и спорт – это параллельные прямые. И я бы предпочла, чтобы они и впредь не пересекались.

Чирлидерство? Гарцевать перед матчем в развевающейся мини-юбочке и выкрикивать речевки? Нет-нет.

Что еще? Театральная студия...

Моя карьера актрисы началась и закончилась еще в начальной школе, когда я в белом костюме лебедя должна была плавно проплыть вдоль сцены. На сцену я, конечно, попала, но вот с плавностью движений произошла накладка. Кто-то из местных хулиганов ухитрился незаметно связать шнурки моих танцевальных тапочек, пока я, затаив дыхание, ждала своего выхода. Словом, вместо того, чтобы величаво выплыть из-за кулис, я мешком вывалилась из-за них прямо пред ясны очи изумленного зала.

Решив все же доиграть свою роль до конца, я предприняла героическую попытку встать. Увы, подняться, когда у тебя фактически связаны ноги, – дело непростое. У меня не хватило квалификации. Но зрители смотрели на меня, и нужно было срочно спасать положение. Извернувшись, я села и начала размахивать руками, имитируя движения крыльев. Кажется, кривая моего актерского успеха снова поползла вверх, и, надо сказать, меня это вдохновило.

Повинуясь творческому импульсу, я вознамерилась добавить шумовых эффектов, чтобы у зала не осталось никаких сомнений в том, что я именно лебедь, а не какая-то другая полоумная птица. В очередной раз взмахнув руками, я уверенно прокричала гортанное «Га-га-га!» прямо в лицо зачарованной публике. Лишь мгновением позже я осознала, что

этот клич не совсем из лебединого репертуара.

За кулисами что-то упало. Я до сих пор уверена, что это была мисс Лурье – милейшая пожилая дама, режиссер нашей театральной студии. Во всяком случае, она выглядела очень бледной даже на следующий день, когда объясняла моим родителям, что у меня очевидный талант к рисованию и было бы целесообразнее посвятить мое время именно ему.

С того самого дня я покинула подмости. И возвращаться на них совершенно не планировала.

Дискуссионный клуб... Гм, а вот это, пожалуй, подойдет.

– Я выбрала, мистер Джайлз, – сказала я, откладывая листок, – дискуссионный клуб.

– О, прекрасный выбор, Николь! – Улыбка куратора на этот раз была вполне искренней. – Я уверен, что вы не пожалеете о своем решении.

– Я тоже, – вежливо поддакнула я.

– Первое занятие состоится сегодня в четыре часа. Не опаздывайте. Мы будем вас ждать.

– Мы?... – вырвалось у меня.

– Руководителем дискуссионного клуба являюсь я. Вот уже десять лет, – скромно кивнул мистер Джайлз. – Еще вопросы есть?

Да. Как отмотать наш разговор обратно?

– Нет...

– Тогда до встречи в четыре часа.

Выйдя в коридор, я увидела поджидавшую меня Элис.

– Ну, как дела? – с любопытством спросила она.

– Ужасно, – простонала я, – с этого дня я полноценный участник дискуссионного клуба под руководством мистера Джайлза.

Элис, самым возмутительным образом игнорируя свой долг лучшей подруги, расхохоталась.

– Вообще-то я рассчитывала на сочувствие.

– Да ладно... Скажи лучше, как старому людоеду удалось заманить тебя?

– Никак, – сокрушенно призналась я, – я сама сунула голову в капкан. А могла бы выбрать театр... Ну, пойдём. В четыре часа я обязана явиться на первое занятие. Хотелось бы успеть что-нибудь съесть.

* * *

Вообще, я люблю дискуссии. Мне всегда в радость пошевелить мозгами. Да и мистер Джайлс, вполне возможно, окажется лучше, чем я думаю. Не зря же он столько лет стоит во главе клуба.

Так я утешала себя по пути на занятие.

Но стоило переступить порог аудитории, как стало ясно: неприятности еще только начинаются.

За первым столом, небрежно откинувшись на спинку стула, сидел... Дэвид.

– Леди и джентльмены, – заговорил мистер Джайлз, – поз-

вольте представить вам новую участницу! С сегодняшнего дня Николь присоединится к нашему клубу.

Я быстро кивнула и заняла свободное место, которое, к счастью, находилось на безопасном расстоянии от Дэвида.

«Похоже, он вообще везде», – мрачно подумала я.

Ну что ж, попробуем не обращать внимания. В жизни достаточно вещей, с которыми приходится мириться. Например, дождь или необходимость вставать по будильнику. Нужно переместить Дэвида Моргана в разряд неизбежного зла и перестать о нем думать. И уж тем более перестать постоянно смотреть в его сторону.

– Итак, – провозгласил мистер Джайлз, – раз все в сборе, предлагаю начать.

Спустя несколько минут я забыла и про неприятности, и про Дэвида, и про то, что не хотела идти сюда. В клубе оказалось ужасно интересно. Студенты парами выходили на импровизированную сцену и сыпали аргументами. Кто-то делал упор на логику, кто-то – на факты, кто-то – на эмоциональную подачу, а кто-то просто тоскливо «отбивал номер».

Время пролетело незаметно.

В конце мистер Джайлз объявил:

– Тема нашей будущей дискуссии – суррогатное материнство. Предлагаю поразмышлять об этом ставшем популярным явлении. Является ли оно благом для женщин, не способных выносить ребенка, пороком общества или, быть может, суровой необходимостью? Как обычно, мы разобьемся

на команды. Николь, Дэвид и Маргарет...

– Прошу прощения, сэр. – Дэвид поднял руку.

– Да, Дэвид, слушаю вас.

– Я не хочу быть в одной команде с Николь.

Мистер Джайлз недоуменно приподнял бровь:

– Почему?

– Потому что... – Губы Дэвида скривились в ухмылке. –

Николь – слабое звено. А команде не нужен балласт.

Балласт?! Вот гад...

Когда я решилась поднять голову, то увидела четырнадцать пар глаз, уставившихся на меня. Все-таки лучше бы я выбрала театр! Честное слово, мой актерский провал пережить было легче.

– Хорошо, Дэвид, – через несколько долгих мгновений невозмутимо заговорил мистер Джайлз. – Если работу в команде с Николь вы считаете невыносимым испытанием для вашего интеллекта...

На краткий миг я вообразила себе сладостную сцену: я душу интеллектуального Дэвида голыми руками, а потом при свете луны закапываю тело в лесу под раскидистым каштаном.

Голос мистера Джайлза прорвался сквозь прекрасную картину:

– ...то, полагаю, вы с большим удовольствием согласитесь стать ее оппонентом.

Дэвид оглянулся на меня. Взгляд у него был абсолютно

растерянным.

«Я разобью тебя в пух и прах! Прилюдно размажу по стенке!» – подумала я и, посмотрев прямо в глубокие карие глаза, широко улыбнулась.

Глава 5

– Ты вся дымишься, прикуривать можно, – раздался за спиной голос Элис.

Задымишься тут. Неутомимое руководство лучшего в столице колледжа решило устроить командные игры на свежем воздухе. Теперь я стояла перед доской объявлений, на которой красовался лист (какой там лист, целый плакат!) со списками команд и графиком их отправки в ближайший лес.

Суббота! Единственный день, когда можно выспаться!

– Не ворчи, – отмахнулась Элис.

– А можно вообще не ехать? Это ведь не обязательно? – с надеждой спросила я.

– Еще как обязательно! – обрадовала она. – Укрепление командного духа, тренировка навыков взаимодействия...

Я тяжело вздохнула. Никакой поддержки!

* * *

Субботное утро началось для меня с погружения в автобус. Больше всего хотелось заткнуть уши негромкой музыкой и подремать, но... Разве рядом с Элис можно заснуть? Особенно если она настроена поделиться красочными подробностями своего последнего свидания.

Подробностей хватило на всю дорогу.

– Когда ты только успеваешь спать, мисс Энерджайзер? – с восхищением спросила я, выпрыгивая из автобуса, остановившегося на большой поляне прямо посреди леса.

– Спать я буду в старости, – засмеялась Элис, выбираясь следом за мной. – Даже приобрету себе для этих целей огромную кровать.

– С балдахином?

– И кучей плюшевых подушек! И кошку заведу. Для терапевтического мурчания.

Я развеселилась. Все-таки моя подруга – настоящее сокровище! Ну кто еще способен быть таким неиссякаемым источником оптимизма?

– Итак, запоминаем! – инструктировал нас капитан команды, попутно раздавая карты. – Прежде всего посмотрите на ваши карты. Наша задача – собрать все флажки в выделенном квадрате. Искать их нужно везде: на деревьях, в кустах, в траве. Чтобы дело пошло быстрее, лучше всего рассредоточиться....

Что? Рассредоточиться? То есть бегать одной по лесу? Я в ужасе уставилась на карту с непонятными крючками, кружочками и линиями. Да я за пару минут так заблужусь, двумя командами не найдут!

– ...Трофеи нести сюда! – Он указал на ветхий шалаш неподалеку.

– Почему сюда? – встрепелась я.

– Здесь будет наш штаб...

Отлично. Значит, сюда кто-нибудь да придет. Поброжу вон в тех кустиках. Шагу дальше не сделаю.

– Дежурным по штабу назначается... – Он, как коршун, высматривающий добычу, вглядывался в наши лица. И, видимо, увидел в моем нечто такое, что немедленно объявил: – Николь!

Я вздохнула с облегчением. Сейчас они отправятся искать свои идиотские флажки, а я разлягусь на траве и наконец-то смогу вздремнуть.

– Николь! Ты не должна думать, что можешь валяться тут без дела, – разрушил мои иллюзии капитан, – команда соперников может попытаться напасть на штаб и умыкнуть наши трофеи. Так что от тебя требуется предельная сосредоточенность.

За первые двадцать две минуты игры мне притащили десять синих флажков. Помня о том, что штаб могут атаковать противники, я не складывала трофеи в шалаш, а крепко держала в руке. Наверное, издалека могло показаться, что я люблюсь подаренным поклонником букетом.

Неподалеку хрустнула ветка. Я быстро оглянулась и почти сразу выдохнула.

Вот же болван!

Дэвид замер, спрятавшись за стволом старого бука, но увы... Уголок ярко-красной банданы предательски отсвечивал среди зелени.

Я ехидно прищурилась: ладно, давай поиграем.

Держа флажки так, чтобы даже слепой мог их разглядеть, я медленно прошагала к шалашу, нырнула внутрь, быстро заткнула их за пояс джинсов и тщательно прикрыла футболкой. Вылезла обратно, лениво потянулась, потопталась на месте с минуту, вернулась на свой наблюдательный пост и снова уселась спиной к деревьям.

Честно говоря, я не слишком рассчитывала на результат, но этот гений маскировки купился! Осторожные шаги едва слышно прошуршали от бука в нужную сторону.

Подождав немного для надежности, я обернулась и прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Наш штаб был явно тесноват для Дэвида. Мало того что Моргану пришлось вползать на четвереньках, еще и поместиться полностью не удалось. И наружу из сплетения веток торчал крепкий аппетитный зад в черных джинсах.

Аппетитный? Я так сказала? Точно перегрелась на солнце.

Я бесшумно поднялась, подкралась почти вплотную.

– Нашел? – спросила я, борясь с недостойным желанием отвесить пинка по так удачно расположенным тылам противника.

Дэвид замер, дернулся назад...

И я не удержалась!

Пинок получился несильным, но точным.

Дэвид взревел как раненый гризли и... обрушил на себя

шалаш.

– Ты труп! – прорычал он, выбираясь из-под кучи веток, досок, парусины и прочего хлама.

И я не стала спрашивать, все ли с ним в порядке.

Никогда, никогда в жизни я не бегала так быстро! И если бы кто-нибудь сказал, что я умею перепрыгивать через ручейки и поваленные деревья, то я бы определенно решила, что меня переоценивают.

Но сейчас...

Я стремглав неслась лесными тропами, Сердце колотилось как сумасшедшее, внутри все дрожало. Догонит? Не догонит? В животе плескался веселый ужас, было страшно, но не по-настоящему, а как на каруселях.

Сзади хрустнула ветка, и совсем рядом раздалось:

– Стой!

Сердце екнуло, я взвизгнула и припустила быстрее.

– Все равно поймаю!

«Как бы не так!» – подумала я.

Пролетела еще пару метров и едва успела затормозить у самого края оврага, скрытого зарослями травы. Быстро огляделась. Куда, куда рвануть? С трех сторон овраг подковой, с четвертой Дэвид. Он почему-то он тоже притормозил и теперь приближался, точнее, перетекал по траве. Медленно, пружинисто, настороженно, словно хищный зверь перед прыжком.

– Ну? – вкрадчиво проговорил он.

И к ярости в его голосе примешивалось что-то еще, отчего волосы на затылке встали дыбом.

Я сглотнула и облизала пересохшие губы.

– Набегалась?

– Надоело, – как можно равнодушнее ответила я, – Честно говоря, бег – не самый любимый вид спорта.

– Не самый? Сомневаюсь, что ты любишь хоть какой-нибудь спорт.

Ах так?!

– Ну почему? – ядовито улыбнулась я. – Я очень люблю футбол!

Темные глаза опасно сузились, но я злорадно добавила:

– Удар по мячу поставлен что надо, правда?

И хищник таки прыгнул. Внезапно. Молниеносно. И без лишних слов. Прямо на меня.

– Овраг! – отчаянно крикнула я, рефлекторно уклоняясь в сторону.

Рука сама собой вскинулась, чтобы ухватить мелькнувшее мимо тело, но пальцы поймали только хвостик красной банданы...

А потом был полет! Ну ладно, не совсем. Больше всего это было похоже на скатывание по наклонной, причем в лицо летели шишки, пыль и сухая трава. Белым шумом воспринималась тихая ругань Дэвида.

Наконец я распласталась по дну оврага. Ощущение было такое, словно меня прокрутили в центрифуге. Тело ныло, в

голове мчались по кругу вспышки огней, сливаясь в сплошную яркую линию. Еще и в спину впивалось что-то острое, похожее на камень.

– Жива? – раздалось сверху.

Почему-то было темно, словно наступили сумерки среди дня. Или небо задернуло тучами. Я поморгала, старательно фокусируя взгляд. Вместо неба с облаками надо мной плавало встревоженное лицо Дэвида, заслоняя свет. И я опять очень близко видела золотые искорки вокруг черных бездонных зрачков. Очень близко. Опасно близко...

– Со мной все в порядке! – злобно фыркнула я. Резкая боль в ноге вернула меня в реальный мир.

– Приехали... – то ли прошептала, то ли простонала я.

Он тут же театрально воздел руки над головой и, устремив взор в небо, громко произнес:

– За что мне это?!

Выглядело эффектно, хотя, на мой взгляд, он перестарался с драматизмом.

– Думаешь, тебе ответят? – Я потерла лодыжку. – Вряд ли. И силой вытрясти ответ ты не сможешь.

– Зато я смогу придушить причину вопроса, – нелюбезно парировал Дэвид.

– Идиот, – отозвалась я.

– Слушай, – Дэвид смотрел на меня с любопытством, – да тебя можно использовать как оружие массового поражения!

– Выборочного, – поправила я, – Выборочного, а не мас-

сового.

– То есть только мне ты оказываешь такую честь? Черт подери, я даже польщен!

– Получается, что да. Если тебе от этого будет легче, то считай меня орудием, призванным подправить твою карму.

– Моя карма в исправлении не нуждается!

– А вот это ты зря, – издевательски пропела я. – Еще как нуждается! Посмотри на себя, Дэвид Морган: тебе не знакомы снисхождение и терпимость, ты все время хамишь и грозишься убить хрупкую, беззащитную девушку.

– Эта хрупкая, беззащитная девушка все время пытается убить меня.

– И ты думаешь, что там, – я тоже театрально возвела глаза к небу, даже голову трагично запрокинула, – сочтут твои действия необходимой самообороной?

Ответа я не услышала.

Кажется, Дэвид сейчас думал о том же, о чем и я: как выбраться отсюда.

Да уж, шикарная суббота выдалась! Вместо того чтобы спать до полудня, съесть на завтрак вишневый маффин и весь день валяться с книжкой, я сижу на дне лесного оврага, под футболкой колются флажки, рядом чертов Дэвид. И у меня болит нога.

Ужасно, просто невыносимо болит.

Глава 6

Сбоку зашуршало: Дэвид поднялся, отошел в сторону, и оттуда донеслись странные хлопки. Я осторожно скосила глаза.

Голый по пояс Дэвид вытряхивал футболку. Закончив, смахнул ею с торса сухие травинки (и прочий мусор, насыпавшийся за шиворот по время полета), с наслаждением потянулся и...

Его тело было совершенным... И широкие плечи, и сильные руки, и рельефная спина, и гладкая, чуть загорелая кожа, и даже едва заметная царапина на ней чуть ниже лопатки тоже была совершенной. И мокрые кончики волос, колечками прилипшие к шее.

Спине стало холодно, щеки полыхнули жаром. Да что ж такое! Надо немедленно отвернуться!

– Нравится? – тихо спросил Дэвид, не оборачиваясь.

– Что нравится? – придушенно пискнула я.

– То, что ты так внимательно рассматриваешь...

Я думала, что покраснеть еще больше невозможно. Но мне удалось. Я бы предпочла провалиться сквозь землю. Но, кажется, мы и так уже достаточно провалились.

– Нужно отсюда выбираться, – совершенно спокойным тоном сказал Дэвид, надевая футболку.

Еще как нужно. Впервые в жизни я была полностью с ним

согласна.

– Здесь не получится: слишком круто. – Он задумчиво окинул взглядом оба склона. – Пойдем поищем место поудобнее.

От неожиданности даже пульсирующая боль в лодыжке на секунду утихла. Я смотрела на него, открыв рот, и не могла поверить в то, что сейчас Дэвид – чтоб его – Морган говорил со мной без воплей, наездов и ехидства. Да что это с ним?

– Ты... Хорошо себя чувствуешь? – осторожно спросила я.

– Нет. Я стою на дне оврага, как я могу хорошо себя чувствовать? Но не торчать же здесь вечно. Догоняй!

Он пошел вдоль оврага и через несколько шагов скрылся за изгибом.

Я тоже попробовала встать. Но резкая боль вонзилась в щиколотку, как раскаленная спица.

– Нашел! Тут вполне можно подняться, – крикнул Дэвид. – Ну где ты? Тебе здесь понравилось?

– Я встать не могу! Нога...

Он быстро вернулся ко мне и присел на корточки.

– Давай посмотрю.

– Заче...

Договорить не успела. Дэвид одним движением задрал мне штанину.

– Дела... – присвистнул он.

Я тоже посмотрела. Увиденное мне совершенно не понра-

вилось: лодыжка распухла и наливалась жутким малиновым цветом. Дэвид протянул руку и легонько надавил:

– Так больно?

– Ы-ы-ы-ы... – заскулила я.

– Понятно.

Он стянул бандану и ловко перебинтовал мою ногу.

– Та-ак... Сейчас мы вылезем отсюда, найдем наших, там и медик, и аптечка.

– Да как я отсюда вылезу?!

– Вот так...

Дэвид нагнулся, обхватил меня руками под попой и легко закинул к себе на плечо. Что-то жалобно хрустнуло. Ой...

– У тебя там корсет? – ехидно осведомился Дэвид.

У меня там флажки. Но об этом противнику знать необязательно. Хорошо еще, что палки трофеев из мягкого пластика. А то к травме лодыжки добавился бы продырявленный живот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.